

ОБ АТРИБУЦИИ И ПЛАНИРОВКЕ ЗДАНИЯ В ОТРАРСКОМ ОАЗИСЕ

В статье рассматривается многоквартирное здание, которое было раскопано в 1970-е гг. недалеко от Отрара. Датируется оно XIV – началом XV в. Стены квадратного в плане здания были сложены из крупноформатного обожженного кирпича. По мнению автора публикации, оно было разделено внутренними перегородками на двадцать помещений. В центре находилось квадратное в плане помещение, которое со всех сторон окружали комнаты различных размеров и конфигурации. Здание было сильно разрушено поздними перекопами, поэтому внутренние конструкции в нем почти не сохранились. В публикации данная постройка интерпретируется как мечеть или медресе. Между тем никаких признаков культового здания в ней не прослеживается. В то же время в центральной части Золотой Орды, в Нижнем Поволжье исследовано несколько усадебных зданий близкой планировки. Они также квадратные в плане и разделены меридиональными стенами на три части. Средняя часть состоит из анфилады помещений, в центре которой находится парадный зал. Главный вход в него находится с южной стороны, а в северной части расположено место хозяина дома в виде подиума, на котором стоял балдахин. С восточной и западной стороны к залу примыкали комнаты различного назначения. Такую планировку имели главные здания наиболее богатых усадеб. Подобная планировка в Золотой Орде была заимствована из Средней Азии. Образцом, возможно, послужили усадебные постройки Хорезма. Однако пространство в золотоордынских усадебных домах было организовано по монгольским образцам. Здание в Отрарском оазисе, вероятно, является примером такого здания в Хорезме.

Ключевые слова: Отрарский оазис, многоквартирное здание, Золотая Орда, усадебные дома, Хорезм, Монголия, принципы планировки, организация пространства

DOI: 10.34920/1694-5794-2021.32.33-44

Цитирование: Зиливинская Э. Д. Об атрибуции и планировке здания в Отрарском оазисе // Вестник МЦАИ. Вып. 32. Смагуловский сборник. Самарканд, 2021. С. 33-42.

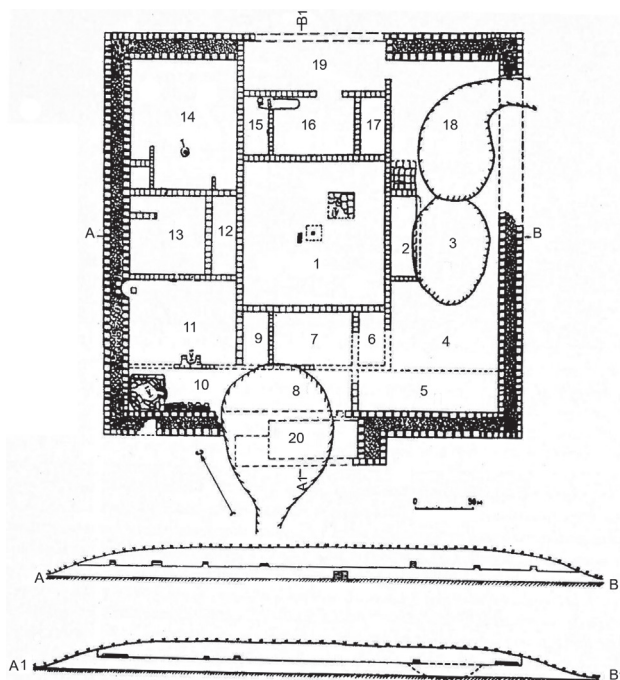
В 1970-х гг. на поселении Байылдыр в 4 км к юго-востоку от Отрара проводились раскопки, результаты которых были опубликованы (Жолдасбаев 1980). На берегу канала, впадавшего в Арысь, находились многочисленные тепе (более 20) различного размера и высоты (от 0,2 м до 0,8 м). Также на местности прослеживались следы поздних землянок. Один из холмов под названием Данлыбай-тепе был раскопан полностью. Тепе было квадратным в плане размерами 25 x 25 м и высотой 0,6 м.

В результате раскопок было исследовано многоквартирное здание. В плане оно имело форму квадрата со стороной 19 м и было ориентировано по оси С-Ю с отклонением к западу. Внешние стены здания сложены из крупноформатного (35 x 35 x 5 см) обожженного кирпича, судя по чертежу, панцирной кладкой. То есть, внешний и

внутренний фасы стен выложены из целых кирпичей, а пространство между ними заполнено битым кирпичом. Толщина стен 110 см, в высоту они сохранились на один слой кладки. Внутренние межкомнатные перегородки были сложены в один кирпич и имели толщину 35 см. Они имели высоту от одного до трех слоев. Полы в постройке были глинобитными.

Планировка здания достаточно интересна. По мнению автора публикации, оно состояло из 20 помещений (ил. 1). В центре находилось квадратное в плане помещение 1 размерами 6,1 x 6,1 м. Вход в него вел из юго-западного¹ угла помещения 18 и был оформлен кирпичной ступенью размерами 1,15 x 1,7 м. Внутри помещения 1 в 1

¹ В тексте ошибочно указано из юго-восточного.

Ил. 1. Здание в Байылдыре, план
(Жолдасбаев 1980)

м от предполагаемого входа находилось кирпичное возвышение высотой в 2 слоя кладки. Судя по чертежу, каждая сторона его была сложена из 4-х рядов кирпичей, следовательно, размеры его составляли приблизительно $1,4 \times 1,4 \text{ м}^2$. По мнению автора, это был столик для светильников, так как рядом с ним был найден чирог (Жолдасбаев 1980: 172-173). В центре помещения 1 находилась круглая в плане конструкция, сложенная из обломков кирпича. Диаметр ее около 60-70 см, высота – примерно 80-85 см. В середине было сделано отверстие. Вся конструкция находилась ниже уровня пола, вровень с ним была только ее верхняя часть с отверстием. По мнению авторов раскопок, она служила для крепления деревянной колонны, что позволило им предположить, что «помещение имело какое-то перекрытие» (Жолдасбаев 1980: 173).

С северной стороны к центральному помещению примыкают три комнаты: помещение 16 размерами $3,45 \times 2,65 \text{ м}$ и фланкирующие его помещения 15 и 17 размерами $2,65 \times 1,1 \text{ м}$. С южной стороны находится аналогичный комплекс помещений 6, 7 и 9, имеющих такие же размеры. В северную группу комнат можно было попасть из помещения 19 ($6,2 \times 2,1 \text{ м}$), которое соединялось непосредственно с улицей. Вход в помещение 19 автор публикации в одном случае называет глав-

ным, а в другом – служебным (Жолдасбаев 1980: 176, 178). Аналогичное тамбурное помещение 20 или айван находилось с южной стороны. Восточная и западная его стены образованы массивными пилонами, выступающими на 1,5 м за плоскость фаса южной стены здания. Этот айван соединяется с помещением 8, через которое можно попасть в центральную группу комнат.

Внутри здания вдоль южной стены находились три помещения. В ЮЗ углу располагалось помещение 10 размерами $4,7 \times 1,75 \text{ м}$. В его западной части находился очаг размерами $1,3 \times 1,3 \text{ м}$ с круглой топкой диаметром 50 см. Топочное отверстие имело размеры $15 \times 20 \text{ см}$. Рядом с очагом вдоль южной стены была сооружена полка длиной 2,2 м, шириной 50 см и высотой 40 см. Далее к востоку находилось проходное помещение 8, сильно разрушенное поздней землянкой, и помещение 5 размерами $6,5 \times 1,75 \text{ м}$.

Западное крыло здания занимали четыре комнаты. Севернее помещения 10 находилось обширное ($4,7 \times 3,5 \text{ м}$) помещение 11. К юго-западной его стене был пристроен подковообразный очаг размерами $60 \times 90 \text{ см}$. В северном углу обнаружено круглое углубление с кирпичами на дне. Предположительно здесь был вкопан хум. В помещении были найдены обломки поливной керамической посуды и кости животных, что говорит о хозяйственном назначении комнаты.

Далее к северу находились помещения 13 размерами $3,4 \times 3,4 \text{ м}$ и 12 размерами $3,4 \times 1,1 \text{ м}$. В СЗ углу помещения 13 была прослежена стенка от «разрушенных закомов». Самым северным в этом ряду было помещение 14. Размеры его $4,7 \times 5,5 \text{ м}$. В центральной части его находилось ташнау, в западном и южном углах стенки из жженого кирпича, которые автор интерпретирует как «закома» (Жолдасбаев 1980: 176). В этой комнате также были найдены фрагменты поливной и неполивной керамики.

В противоположной, восточной части здания также находились четыре помещения (4, 2, 3 и 18) большей частью разрушенные поздними землянками. Однако, можно предположить, что планировка восточной части здания была зеркально симметрична западной.

По керамическому материалу из основного раскопа и материалам из сопутствующих шурфов постройка датируется XIV-XV вв.

Автор публикации интерпретирует данный комплекс как мечеть или медресе. По его мнению, «по плану и ориентировке он идентичен поздним культовым сооружениям, которые встречаются на всей территории Южного Казахстана и Средней Азии» (Жолдасбаев 1980: 178), и сравнивает его с мечетями-медресе XVIII-XIX вв. Доказатель-

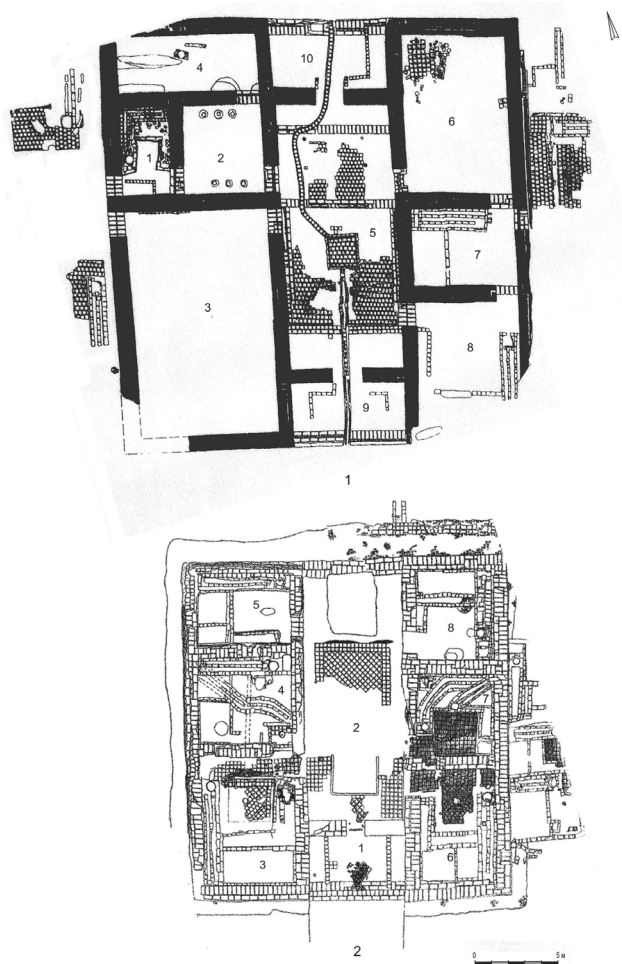
² В тексте указана площадь 1 кв. м.

ством этому он также считает данные письменных источников, в которых говорится о том, что в Отраре и других городах было построено много медресе и мечетей. «В пользу того, что это мечеть говорят следующие доводы. Во-первых, в это время необходимо было немедленное распространение ислама. Об этом свидетельствует построение мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави, который по плану почти идентичен нашему комплексу. Во-вторых, по внутренней планировке, несмотря на меньшие размеры, комплекс похож на среднеазиатскую и южно-казахстанскую мечети-медресе, построенные в XVIII-XIX вв.» - пишет автор (Жолдасбаев 1980: 181).

При этом во всем комплексе «мечети-медресе» нет михраба, а ведь именно михраб является основным и неперенным элементом мусульманского культового здания. Для мечети важна не столько планировка постройки, сколько наличие молитвенной ниши, ориентированной по кибле. Об этом, в частности свидетельствует наличие и планировка таких сооружений, как мечети-намазгох, у которых есть только одна стена с михрабом (Кочнев 1976) или известные по этнографическим исследованиям, степные мечети, где михраб обозначен кустиками, посаженными в виде ниши, направленной на Мекку. Отсутствие михраба автор публикации объясняет тем, что «его не устроили из-за малогабаритности комплекса» (Жолдасбаев 1980: 178). Это объяснение кажется достаточно абсурдным, так как михрабную нишу можно сделать даже в самой небольшой комнате, чему имеется масса примеров.

Исходя из гипотезы, что данное здание является мечетью-медресе автор публикации атрибутирует помещения исследованного здания. По его мнению, центральное помещение является молельным залом, небольшие комнаты 2, 6, 9, 12, 15, 17 отводились для учеников, будущих проповедников. В помещениях 3, 4, 7 проводились занятия, а в помещении 16 принимали паломников. Помещение с ташнау служило для омовений перед молитвой, т.е. являлось тахортханой (Жолдасбаев 1980: 178). Данные предположения ни на чем не основаны и являются фантазией автора. Хочу лишь заметить, что в комнатах размерами 2,65 м x 1,1 м и даже 3,4 x 1,1 м человек среднего размера, конечно, поместиться может, но вряд ли сможет жить. Это все равно, что жить в шкафу. Единственное, с чем можно согласиться, что помещения 10 и 11 с очагами могли использоваться для приготовления пищи.

Не могу согласиться также с утверждением, что планировка данного здания типична для мечети и медресе. В период с X по XIV вв. ни в Средней Азии, ни в Казахстане мечети подобного

Ил. 2. Усадебные здания на Селитренном городище: 1 – усадьба 1; 2 – усадьба 2 (Зиливинская 2019)

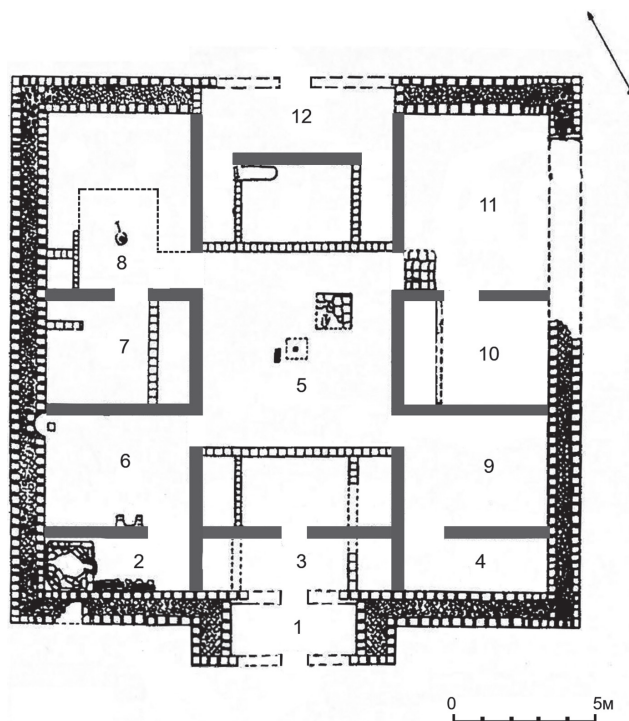
плана не известны. Обычно это однокупольные или многокупольные постройки, зальные здания, разделенные на нефы рядами колонн или здания с обширным внутренним двором (Хмельницкий 1992: 60-103; Хмельницкий 1996: 70-128; Маньковская 1980: 102-121; Маньковская 2014: 240-259; Байпаков 2012: 13-29). Даже небольшая и скромная мечеть сельского поселения Жалпактал в Западном Казахстане представляет собой постройку базиличной планировки (Марыксин 2014: 112-114; Зиливинская 2016: 293-297). Медресе на Востоке также имеют характерную планировку с внутренним двором, вокруг которого группируются остальные помещения (Hillenbrand 1994: 173-253; Хмельницкий 1996: 260-277; Байпаков 2012: 31-37). Сравнение с поздними зданиями XVIII-XIX вв. является, на мой взгляд, не корректным, тем более, что конкретные примеры так и не приводятся. Утверждение об идентичности скромной постройки в Байылдыре с роскошным монументальным зданием мавзолея-ханаки Ходжи Ахмеда Ясави тоже представляется сомни-

тельным. Единственное, что их объединяет – это наличие центрального помещения, но такая планировка встречается весьма часто в различных категориях зданий.

Между тем, на территории Золотой Орды, в Нижнем Поволжье исследовано несколько усадебных домов, которые по плану действительно весьма похожи на данное здание и имеют ту же датировку – XIV в., то есть золотоордынское время (Зиливинская 2008: 8-43, 96-98; 2014: 120-125).

Центральный дом усадьбы 1 на Селитренном городище (Сарай, столица Золотой Орды) был почти квадратным в плане размерами 23,8 x 24,2 (ил. 2.1). Стены его сложены из большеформатного сырца (50 x 22 x 7 см) в 2 ряда кирпича, один из которых положен тычком, а другой – ложком. Здание разделено двумя меридиональными стенами на три ряда помещений. В центре среднего ряда находился большой прямоугольный зал. В него можно было попасть со двора через тамбурные помещения, расположенные с северной и южной его сторон. В тамбурах вдоль стен были сложены Г-образные суфы. В северной и южной частях зала пол был выше, чем в его центральной части. На северной платформе пола был сооружен подиум, мощенный обожженным кирпичом, в котором сохранились остатки деревянных столбиков, поддерживающих балдахин. Пол средней части зала также был выложен кирпичом, и в центре его сделан квадратный бассейн. Вода в бассейн поступала по каналу, идущему со двора через южный тамбур под вымосткой пола и выводилась по такому же каналу, протянутому на север.

С запада и востока центральный зал был окружен комнатами различного назначения. В северо-западной части здания находился блок из трех жилых помещений (1,2,4), которые соединялись скользящим проходом между собой, а также с центральным залом и двором. К югу от них располагалось обширное нежилое помещение 3, пол которого был вымощен жженым кирпичом. Два скользящих прохода вели в зал и наружу. Западный ряд помещений состоял из такой же нежилой комнаты с кирпичным полом, расположенной на севере (пом. 6) и двух комнат с канами и суфами (пом. 7, 8). Все три помещения соединялись между собой скользящими проходами вдоль восточной стены, образуя единый блок. Этот восточный блок соединялся с центральным залом двумя проходами из помещений 6 и 8, которые с двух сторон примыкали к помещению 7. С наружным двором соединялось помещение 7. Таким образом, помещения, окружавшие центральный зал в I периоде, образовывали четыре отдельные секции.

Ил. 3. Здание в Байылдыре, план с элементами реконструкции

В дальнейшем в течение 20-30 лет дом подвергался многочисленным перестройкам: пустые комнаты были поделены и превращены в жилые, часть комнат была связана только с центральным залом, а другая часть – только с улицей. В 1360–70 гг. усадьба пришла в упадок, зал был заброшен, а бассейн засыпан мусором. В 1380–90-е гг. наступает полная гибель усадьбы, и на ее месте возникает обширный некрополь.

Сырцовый дом усадьбы 2, расположенной в том же районе города, имеет сходную планировку и построен в такой же строительной технике (ил. 2.2). Здание было квадратным, но несколько меньшего размера (20 м x 19,5 м). Комнаты располагались в три ряда. Единственный вход по центру южной стены вел в тамбур, вымощенный обожженным кирпичом с суфами вдоль меридиональных стен. К северу от тамбура находился большой приемный зал размерами 14,4 x 5,9 м, пол которого был фигурно выложен кирпичом. У северной стены сооружен подиум в виде плотно утрамбованного массива земли.

В западном и восточном рядах помещений находилось по три жилых комнаты. Они были сгруппированы следующим образом: две северные комнаты (пом. 5 и 8) были изолированы и соединялись только с центральным залом, а южные и средние комнаты в рядах были смежными и также соединялись с центральным залом. Наиболее парадными среди жилых были юго-западное по-

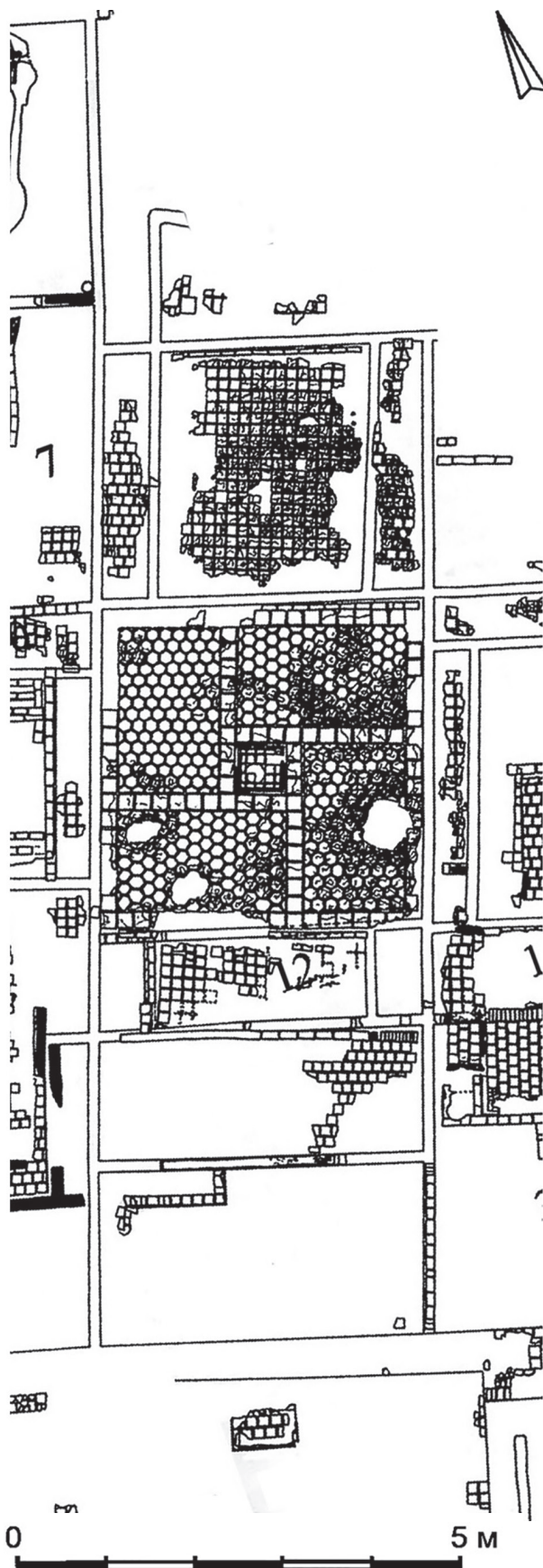
мещение 3 и юго-восточное помещение 6. Их стены и П-образные суфы были покрыты белой штукатуркой, а полы фигурно выложены кирпичами на ганчевом растворе. В центре полов находились ташнау, окруженные бордюром из бирюзовых изразцов. Внутренние конструкции располагались в комнатах зеркально, причем этот принцип сохранялся в течение всей жизни дома. Средние в рядах помещения 4 и 7 были хозяйственно жилыми, о чем свидетельствует наличие в них многих печей и тандыров, а также скромное оформление. Первоначально их планировка также была зеркальной, однако впоследствии интерьер много раз перестраивался, и симметрия была нарушена. Помещения 5 и 8, расположенные в северной части дома, представляли собой обычные жилые комнаты и почти не перестраивались. В отличие от дома усадьбы 1, здесь центральный зал сохранил значение организующего центра, связанного со всеми комнатами до самого конца.

К восточной стене главного дома примыкала пристройка из нескольких помещений с сырцовыми и деревянными стенами. Вероятно, это было жилище прислуги.

Сходство планировки с селитренскими усадебными домами позволяет совершенно иначе интерпретировать план здания в Байылдыре и его функциональное назначение. Прежде всего следует отметить, что не все стенки толщиной в один ряд кирпича могут быть внутренними перегородками. В частности, существование комнат шириной около 1 м представляется сомнительным. Такую ширину могут иметь только коридоры, соединяющие комнаты, но здесь они ничего не соединяют. Скорее всего, часть узких стен являются стенками суф или других внутренних конструкций. Исходя из этого, можно рассмотреть планировку байылдырской постройки, в которой было 12 помещений (ил. 3).

Главный вход находился с южной стороны. По центру южной стены были сделаны два пилона длиной 1,5 м, которые образовывали восточную и западную стенки айвана (пом. 1). Из айвана можно было попасть в тамбурное помещение 3, в котором вдоль меридиональных стен сооружены суфы шириной 1,1 м.

Далее располагалось обширное помещение 5 разделенное на три зоны. В середине находился квадрат пола со стороной 6,1 м. В центре его под полом была сделана кирпичная конструкция с отверстием. Интерпретация ее, как основания для колонны, поддерживающей крышу, совершенно не убедительна. Примеры крепления колонн подобным образом мне не известны, обычно их ставят на ровную площадку подпольного фундамента или на базу. Данная конструкция, скорее всего,

Ил. 4. Центральная часть усадебного здания 3 на Селитренном городище, план (Зиливинская 2019)

Ил. 5. Центральный зал усадебного здания 3 на Селитренном городище (Зиливинская 2019)

представляет собой водопоглощающий колодец ташнау, выполненный не из керамического сосуда, а из обломков обожженных кирпичей. Ташнау с кирпичным колодцем в центре пола парадного зала исследовано в дворцовом здании усадьбы 3 на Селитренном городище. В зале усадьбы 4 было сооружено такое же ташнау, правда, не в центре помещения (Зиливинская 2019: 125-126, 129, рис. 132, 135, 141, 146). В южной части помещения 12, как и в селитренских домах, мог находиться участок пола другого уровня или другого оформления, а вдоль восточной и западной стен были сделаны суфы. В северной части залов подобных зданий всегда располагалось почетное место хозяина. Возможно, в рассматриваемом здании также был сделан подиум, с двух сторон от которого находились проходы, ведущие в северный тамбур (помещение 12).

С восточной и западной сторон от центральной анфилады находилось по четыре комнаты различного назначения. Лучше сохранилось западное крыло здания. Самым южным здесь было небольшое узкое помещение 2, западную часть которого занимала большая печь для приготовления еды. Рядом с ней была сооружена узкая суфа, на которую могли ставить посуду. В следующем помещении 6 также находился очаг и был вкопан хум. Вполне вероятно, что обе комнаты служили для хранения и приготовления пищи.

Далее к северу находилось помещение 7. К его восточной стене была пристроена суфа шириной

1,1 м. Участок стенки, параллельной северной стене комнаты, вероятно, также являлся подпорной стенкой суфы. Самым северным в этом ряду было обширное помещение 8. В его юго-западном углу сохранились две взаимно перпендикулярные стенки «закромов». Стенка, идущая вдоль западной стены, скорее всего, является стенкой западной суфы. В полу было устроено ташнау, которое смещено к югу относительно центра комнаты. Так как ташнау обычно находится в центре пола, а не перед очагом, как считает автор публикации (Жолдасбаев 1980: 176), то можно предположить, что суфа в помещении была П-образной, пристроенной к западной, северной и восточной стенам комнаты. В ее юго-западном углу действительно мог быть сооружен погребок.

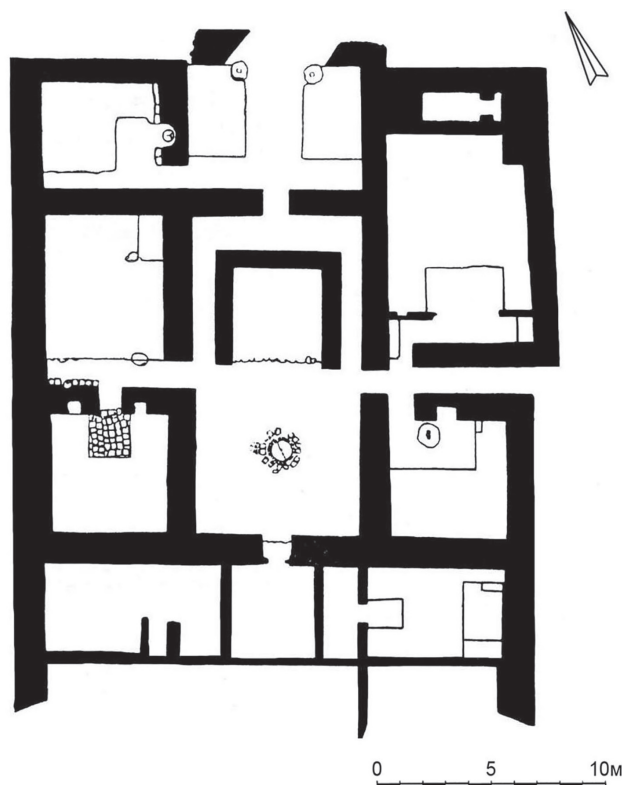
Восточное крыло здания было сильно повреждено поздними перекопами, однако скорее всего, по крайней мере на первом этапе оно было зеркально симметрично восточному. Интерьеры комнат не сохранились. Можно лишь констатировать, что в помещении 10 к западной стене была пристроена суфа.

К сожалению, нет никаких данных о проходах, соединяющих помещения. В публикации не указана высота участков внутренних стен, поэтому можно лишь предполагать, где находились дверные проемы, исходя из общей логики планировки (считая, что она была зеркальной) и аналогии с селитренскими домами, в которых жилые блоки соединялись с центральным залом. Южные

помещения 2 и 4 не могли иметь выходы в тамбур (пом. 3), так как в нем вдоль восточной и западной стен находились суфы. Следовательно, проходы могли быть сделаны в их северных стенах. В помещении 2 проход мог находиться только в восточной части северной стены, следовательно, в помещении 4 – в западной. Проходы чаще всего бывают скользящими. Помещения 6 и 9 весьма вероятно соединялись с залом (5) скользящими проходами вдоль их северных стен. В помещениях 7 и 10 вдоль общих с залом стен были сооружены суфы, поэтому двери в них, скорее всего, выходили в северные комнаты. Помещения 8 и 11, в свою очередь могли соединяться с центральным залом скользящими проходами вдоль южных стен. При такой планировке с каждой стороны от зала находилось по два жилых блока, состоявших из двух комнат.

Золотоордынские дома с парадным залом, расположенным на центральной оси здания, образуют тип усадебных домов, к которому относятся наиболее престижные здания (Зиливинская 2019: 140-141). В Нижнем Поволжье исследованы многокомнатные постройки этого типа, которые являются настоящими дворцами. На Селитренном городище было раскопано дворцовое здание, которое является самой крупной усадебной постройкой, известной Золотой Орде (Зиливинская 2019: 126-128). Оно представляло собой многокомнатный дом, внешние стены которого были сложены из обожженного кирпича. Внутренние стены были фахверковыми. Здание было частично разрушено, поэтому его размеры можно определить лишь приблизительно, длина его составляла 32,5 м, ширина должна превышать 40 м. Центральное положение занимала анфилада парадных покоев, которая начиналась обширным подъездом со ступенями (ил. 4). Дверной проем вел в помещение вестибюля с Г-образными суфами. Далее следовал распределительный тамбур, соединенный двумя проходами с центральным залом.

Помещение зала было прямоугольным в плане, вытянутым по оси С-Ю, и имело размеры 15,8 x 9,4 м. В его южной части находилось возвышение, выложенное кирпичом на известковом растворе. В средней части зала вдоль стен находились узкие суфы. На севере сделано еще одно возвышение большей площади, чем южное. С востока и запада от него находились проходы, ведущие в северные комнаты. Суфы с четырех сторон окружали фигурно выложенный пол, в центре которого находилась большая тошна (рис. 5). Пол вымощен плитами двух видов: из крупногабаритных квадратных плит выложен бордюр по краю пола, квадрат, окаймляющий ташнау в

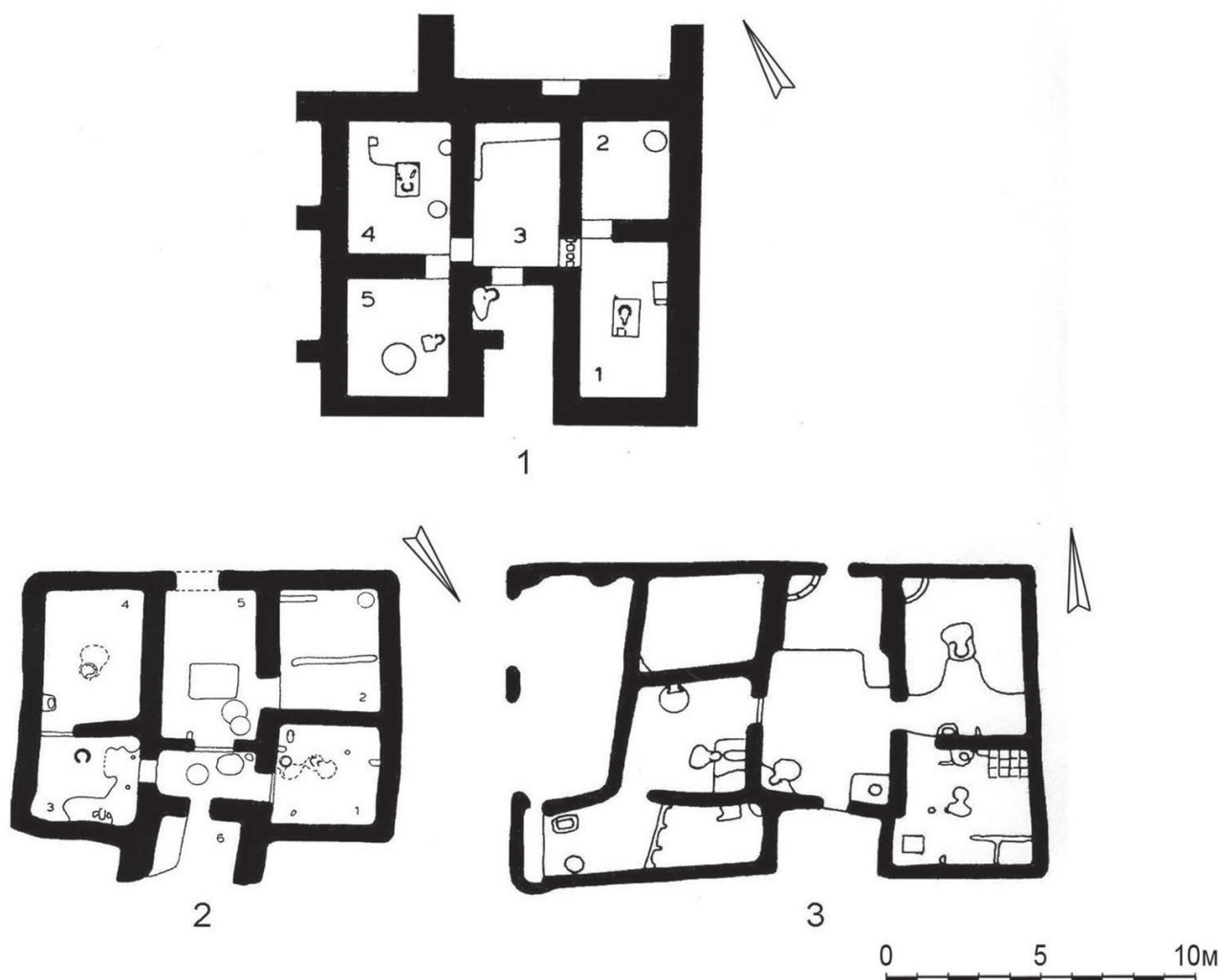
Ил. 6. Здание на городище Акчий, план (Заурова 1977)

центре и дорожки, идущие от углов квадрата и образующие крестовидную фигуру. Пространство между дорожками заполнено шестиугольной кирпичной плиткой, пространство вокруг ташнау заложено обычными кирпичами. Стены зала украшали большие мозаичные панно, состоящие из фигурных полихромных элементов с позолотой. К северу от зала располагались еще два помещения, вероятно, как и с южной стороны, – тамбур и айван.

С западной и восточной сторон к парадной части дворца примыкали комнаты, расположенные рядами по оси север-юг. Всего было исследовано около 35 помещений, имевших жилое и хозяйственное назначение. Кроме обычных комнат с суфой и каном здесь была домашняя пекарня с несколькими тандырами, кладовая с жерновом для перемалывания зерна, ванная комната и детская – комната, на оштукатуренных стенах которой было нацарапано много детских рисунков. Комнаты соединялись между собой при помощи коридоров и распределительных тамбуров.

Дворцовые здания сходной планировки с парадными залами в центре исследованы на Ахтубинском городище (Плахов 2008).

Известны такие здания и в Средней Азии. В частности, к ним относится дворцовый комплекс XIV-XV вв. на городище Акчий (рис. 6) в Киргизии (Заурова 1977: 106-127). Мне представляется,

Ил. 7. Усадебные дома Хорезма: 1 – дом № 2 в урочище Дарьялык-куль; 2 – дом № 2 в урочище Айгельды; 3 – дом № 18 в поселении Акча-Гелин (Неразик 1976)

что в этот же ряд можно поставить здание из Оттарского оазиса.

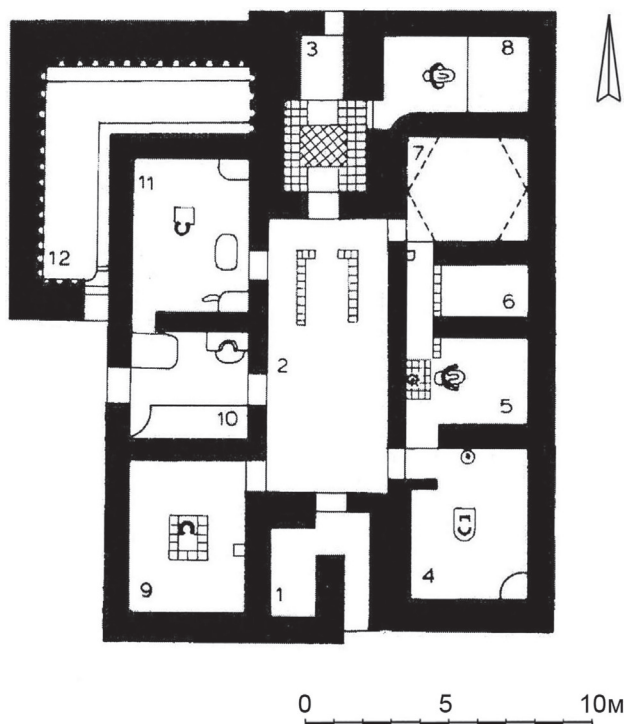
Планировка золотоордынских зданий с центральным залом вообще имеет много аналогий в Средней Азии, откуда она, вероятно, была воспринята (подробно об этом: Зиливинская 2019: 154-165). Несколько домов похожего плана раскопаны на Краснореченском городище в Киргизии (Кожемяко 1967: 53-90; Байпаков 1986: 154). Дома принадлежали зажиточным слоям населения и датируются X-XII вв. В плане они близки к квадрату. Вход в здание ведет в небольшой тамбур, который при помощи узкого коридора соединяется с залом. В зале вдоль стен были сделаны суфы, а стены были украшены резными алебастровыми панелями и резной штукатуркой, окрашенной в разные цвета. По периметру здания расположены жилые помещения, также выходящие в центральный зал. Автор раскопок определяет зал, как парадное помещение для приемов гостей (Кожемяко 1967: 85, 86).

Некоторое сходство наблюдается у домов Золотой Орды этого типа с сельскими усадебными постройками Хорезма XII-XIII вв. (Неразик 1976: 74-81, 89-90, 94-96). Среди этих построек Е. Е. Неразик выделяет дома с центральным залом и дома с центральным коридором. (Неразик 1976: 182-183). Первый тип представляют дома центрического плана, основой композиции которых был квадратный или прямоугольный в плане центральный зал. Размеры центрального зала в усадебных домах Хорезма обычно не превышают размеров других помещений, а функционально он выполняет роль распределительного тамбура, коридора или хозяйственного помещения с очагами. По пропорциям и расположению комнат к золотоордынским домам более близки дома «с центральным коридором» (ил. 7). Они разделены стенами на три примерно равные части. Среднюю линию помещений занимает сильно вытянутый широкий коридор, с двух сторон которого находятся входные тамбуры. Остальные комнаты,

как и в золотоордынских домах, расположены с двух сторон от коридора и соединяются с ним. То есть структура этих домов такая же, как в Золотой Орде, и помещения, названные Е. Е. Неразик «коридорами», по своему расположению и пропорциям идентичны их «центральному залу». Неточность определения широкого вытянутого центрального помещения как коридора, отмечал С. Г. Хмельницкий. Он предложил называть эти постройки домами трехдольной планировки (Хмельницкий 1997: 100-103). К ним относятся дома № 1, № 43 и № 60, в оазисе Кават-кала, часть большого жилого комплекса дома № 2 в урочище Дарьялык-куль, дом 2 в поселении Айгельды и дом 18 в поселении Акча-Гелин (Неразик 1976: 77-79, 94-95, 97-99, 133-134; Хмельницкий 1997: 100-106).

Несмотря на отчетливое сходство в планировке, между золотордынскими и хорезмийскими домами существует ряд отличий. Они выражаются в применении разных строительных материалов (сырца и пахсы), различном оформлении интерьера. Но главным является различное восприятие организации пространства здания. В Золотой Орде усадебные дома были обращены входом на юг, а центральная ось здания проходила по линии север-юг. В домах на Краснореченском городище главный вход в усадебные дома мог находиться с западной стороны (дом № 1), с северо-восточной или северо-западной сторон (дома № 3 и № 5) (Кожемяко 1967: 55, 77, 85). В сельских усадьбах Хорезма коридор имеет направление С-Ю или СЗ-ЮВ, но главный из двух входов может находиться как с южной и юго-восточной сторон (дом № 60 в Кават-калинском оазисе, дом № 1 в Дарьялык-куль, дом № 18 в Акча-Гелин), так и с северной или северо-западной (дом № 43 в Кават-калинском оазисе, дом № 2 в Айгельды) (Неразик 1976: 74, 79, 90, 94, 97, 133). В доме № 41 в Кават-кале коридор был вытянут в широтном направлении, а парадный вход находился с западной стороны (Неразик 1976: 79).

Различным было и использование центрального помещения. В Хорезме центральный зал или коридор использовался как хозяйственное или распределительное помещение, а комната для гостей (*михманхана*) находилась в одном из боковых помещений. В Золотой Орде он являлся парадно-репрезентативной частью здания, залом для больших приемов, хотя среди других комнат также выделялись парадные помещения для менее торжественных мероприятий. Возможно, эти малые залы были сходны по назначению с *михман-ханой* среднеазиатских домов. Что касается центрального зала, то во всех усадебных зданиях главный вход в него находился с южной стороны,

Ил. 8. Усадебный дом № 43 оазиса Кават-кала в Хорезме (Неразик 1976)

а почетное место хозяина (суфа с балдахином или парадный айван) – с северной стороны.

Такая организация пространства в жилых постройках является типично монгольской традицией. Монгольские юрты и поныне ставят дверь на юг, а северная их часть считается наиболее почетной (Жуковская 1988: 16). Аналогичную структуру имели и парадные залы дворцовых зданий в Монголии. Описания парадных приемов в них оставили Рубрук и Марко Поло (Путешествия... 1957: 159; Марко Поло 1999: 133-135). В монгольских дворцах вход находится с южной стороны, а возвышение, на котором, восседал владелец дома – в северной части. По сторонам располагались места для гостей и домочадцев. В центре зала находилось в описании Рубрука дерево (фонтан) из драгоценных металлов для разлива вина, а в описании Марко Поло золотая чаша, в которую входит бочка вина. То есть, организация пространства парадного зала в усадебных домах Золотой Орды соответствует таковой во дворцах Монголии. Что касается техники строительства и архитектуры, то монгольские дворцы были построены в китайских традициях (Минерт 1990), а золотоордынские – в среднеазиатских.

В связи с этим показательна перепланировка, которая была сделана в одном из зданий с центральным коридором в Кават-калинском оазисе (дом № 43) в золотоордынское время (Неразик 1976: 80-82). В домонгольское время парадный вход в здание находился с северной стороны. Он

вел в нарядно украшенный тамбур, который соединялся с вытянутым распределительным залом. В южной части зала находился выход во двор через небольшой тамбур. В XIII-XIV вв. здание было перестроено: проход через парадный северный вестибюль был заложен, и здание стало соединяться с улицей только через южный, маленький и узкий вестибюль.

В северной части зала было возведено П-образное сооружение со стенками из обожженного кирпича (ил. 8). Е. Е. Неразик рассматривает эту конструкцию, как «почетное место» хозяина дома (Неразик 1976: 82). Можно предположить, что эта П-образная стенка является своеобраз-

ной имитацией парадного айвана. Такое же сооружение было открыто в парадном зале усадьбы на городище Акчий (рис. 6). Таким образом, взяв за основу среднеазиатскую планировку, монголы переработали ее, приспособив к своим представлениям о структуре зданий и организации пространства помещений, предназначенных для официальных торжеств.

Таким образом, в золотоордынский период усадебные дома с центральным залом, предназначенным для приемов и каких-то официальных мероприятий, строились не только в центральном регионе Золотой Орды – Нижнем Поволжье, но и на территории Хорезма.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Байпаков 1986 – Байпаков К. М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI — начало XIII в.). М.: Изд-во Наука Казахской ССР, 1986.
- Байпаков 2012 – Байпаков К. М. Исламская археологическая архитектура и археология Казахстана. Алматы-Самарканд: 2012.
- Жолдасбаев 1980 – Жолдасбаев С. Ж. Мечеть XIV-XV вв. в окрестностях Отрара (Поселение Байылдар) // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата: Издательство Наука Казахской ССР, 1980. С. 172-188.
- Жуковская 1988 – Жуковская Н. Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М.: Наука, 1988.
- Заурова 1977 – Заурова Е. З. Раскопки на городище Акчий // Кетмень-Тюбе. Фрунзе: Илим, 1977. С. 106-127.
- Зиливинская 2008 – Зиливинская Э. Д. Усадьбы золотоордынских городов. Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2008.
- Зиливинская 2016 – Зиливинская Э. Д. Золотоордынские памятники Западного Казахстана: новые исследования // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Историческая география Золотой орды. Материалы Седьмой международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Казань-Ялта-Кишинев, 2016. С. 279-302.
- Зиливинская 2019 – Зиливинская Э. Д. Архитектура Золотой Орды. Часть II. Гражданское зодчество. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2019.
- Кожемяко 1976 – Кожемяко П. Н. Раскопки жилищ горожан X-XII вв. на Краснореченском городище // Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. Фрунзе: Илим, 1967. С. 53-90.
- Кочнев 1976 – Кочнев Б. Д. Средневековые культовые сооружения Средней Азии. Ташкент: Фан, 1976.
- Маньковская 1980 – Маньковская Л. Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии. IX – начало XX в. Ташкент: Фан, 1980.
- Маньковская 2014 – Маньковская Л. Ю. Формообразование и типология зодчества Средней Азии. IX – начало XX века. Ташкент: Baktria Press, 2014.
- Марко Поло 1999 – Марко Поло. Книга о разнообразии мира. Санкт-Петербург: Амфора, 1999.
- Марыксин 2014 – Марыксин Д. В. Городище Жалпактал и его округа (предварительные результаты работ). Средневековые города бассейна реки Урал. Уральск, 2014. С. 91-127.
- Минерт 1990 – Минерт Л. К. Монгольское градостроительство XIII-XIV веков // Центральная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1990. С. 89-106.
- Неразик 1976 – Неразик Е. Е. Сельское жилище в Хорезме (I - XIV вв.). Из истории жилища и семьи: Археол.-этногр. очерки. М.: Наука, 1976.
- Плахов 2008 – Плахов В. В. Дворцовые здания конца XIV в. у пос. Комсомольский в Астраханской области // Степи Европы в эпоху средневековья. Отв. ред. А.В. Евглевский. Донецк: Изд-во Донецкого ун-та, 2008. Т. 6. С. 125-141.
- Путешествие 1957 – Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Изд-во географической литературы, 1957.
- Хмельницкий 1992 – Хмельницкий С. Между арабами и тюрками. Архитектура Средней Азии IX-X вв. Берлин-Рига: Continent, 1992.
- Хмельницкий 1996 – Хмельницкий С. Между Саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии XI-начала XIII вв. Часть I. Берлин-Рига: Gamajun, 1996.
- Хмельницкий 1997 – Хмельницкий С. Между Саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии XI – начала XIII вв. Часть II. Берлин-Рига: Gamajun, 1997.
- Hillenbrand 1994 – Hillenbrand R. Islamic Architecture. N.Y.: Columbia University Press, 1994.